

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“ДУХОВНОЙ ЖАЖДОЮ ТОМИМ...”

Книга, которую я держу в руках, похожа на старинную шкатулку – обложка обтянута золотым шитьём, сияет золотым обрезом, украшена цветными гравюрами, напечатана на глянцевой бумаге цвета слоновой кости с водяными знаками и вставляется в жёсткий футляр, обёрнутый позолоченной тканью, словом, это – вершина гуттенберговской эпохи, которая, видимо, заканчивается в XXI веке.

Стихотворному корпусу книги предшествуют два предисловия: одно президента БИНБАНКа, другое вице-президента, в котором сказано: “издание коллекционное, тираж ограничен, эту книгу нельзя купить в магазине. Смысл нашей идеи в том, что мы делимся с друзьями БИНБАНКа самым дорогим... мы делимся опытом и мудростью легендарного человека”...

Автор книги Михаил Гуцериев родился в 1958 году в ингушской семье, сосланной в феврале 1944 года из предгорий Кавказа в центр Евразии – в советский Казахстан, в сердцевины среднеазиатского Востока с его континентальным дыханием, с его просторами, с его верованиями и предрассудками, с его мусульманством и буддизмом, с его прагматической одухотворённостью, повлиявшей на русскую историю и на русскую литературу.

За эти кавказско-азиатские земли шла, и до сих пор идёт, вечная борьба многих великих народов – персов и монголов, русских и англичан, арабов и древних греков, китайцев и американцев, ибо “Кто владеет сердцевиной Азии – “Хартлендом” – тот владеет миром”, – говорил известный английской историк Маккиндер. Но, даже не зная этой геополитической истины, многие русские поэты, писатели, историки, путешественники, полководцы чувствовали значение “срединной земли” для России. Щедрую дань изучению такого Востока отдали не только Афанасий Никитин, Пржевальский и Семёнов-Тянь-Шаньский, но и Пушкин, написавший повесть “Капитанская дочка”, поэмы “Кавказский пленник” и “Тазит”, а также цикл стихотворений “Подражание Корану”. Михаил Лермонтов продолжил пушкинскую стезю в поэме “Валерик”. Вслед за Лермонтовым Лев Толстой обогатил восточную традицию повестями “Хаджи-Мурат” и “Казачи”. А в двадцатом веке Сергей Есенин создал свой образ Востока в “Персидских мотивах” и, конечно же, в гениальной поэме “Пугачёв”, написанной с особой русской любовью к детям великой Азии:

*Он ушёл, этот смуглый монголец,
Дай же Бог ему добрый путь.
Хорошо, что от наших околиц
Он без боли сумел повернуть.*

А в послеесенинскую советскую эпоху поэмы Павла Васильева “Ярмарка в Куяндах” и “Путь на Немигу”, повесть “Такыр” Андрея Платонова, азиатские

стихи Анны Ахматовой, написанные в эвакуации, продолжили духовное русское освоение необозримых восточных пространств.

Конечно же, попытка Гущериева, родившегося и выросшего на этой земле, вписать своё слово в “евразийскую антологию” и дерзка, и в то же время увлекательна. Как говорится, новое время – новые песни. И можно только удивляться тому, что юноша из ингушской репрессированной семьи, родившийся в Казахстане, сумевший закончить советскую школу и музыкальное училище, прочитавший немало нужных книг и попавший в восьмидесятые годы прошлого века в пекло уголовно-рыночной, алчной, анархической стихии, сумел не только выжить в этой круговерти, но острой памятью запечатлеть её сущность в поэме “Азия-80”, сумел создать целую галерею персонажей, рождение которых свидетельствовало о переломе евразийской советской истории в годы разрушения великой державы. Поистине прав был Сергей Есенин, когда писал в “Пугачёве”: “*Но озлобленное сердце никогда не заблудится*”... В то роковое время словно какой-то космический ливень оплодотворил землю казахстанских скотоводов, целинников и шахтёров ядовитыми семенами. Липучие сорняки, взрывая почву, враз вымахнули на рудных отвалах, травянистых полях и хлебных пашнях. На глазах будущего поэта за несколько лет на землях Шёлкового пути выросла рыночная экономика, а вместе с ней и общество потребления.

Но рынок гудел на этих просторах всегда. Однако он был другим. В до-революционные годы под пером знаменитого поэта Семиречья Павла Васильева в поэме “Ярмарка в Куяндах” рыночная стихия выглядела словно цветное, красочное эпическое полотно:

*Над степями плывут орлы
От Тобола на Каркарлы,
И баранов степные отары
Поворачивают к Атбасару...*

*В этот день поёт тяжелей
Лошадиный горячий пах,
Полстраны, заседлав лошадей,
Скачет ярмаркой в Куяндах...*

*Над раздольем трав и пшениц
Поднимается древний рёв —
Казаки из своих станиц
Гонят в степь табуны коров.*

*А на сёдлах — чекан-нарез
И казаки смеются: — Во!
И киргизы смеются: — Во!
И широкий крутой заезд
Низко стелется над травой.*

Рынок-праздник объединяет их.

А в следующую “целинную” эпоху на Атбасар и Акмолинск один за другим шли уже не табуны и отары, а железнодорожные составы и платформы, нагруженные строительным лесом, цементом, тракторами цистернами с горючим, о чём поэты-шестидесятники оставили нам свои стихи – свидетельства этих исполинских преобразований жизни:

*Длинные дороги целины,
До Баранкуля, словно до луны.
Застрял “Зисок”, придётся грязь месить.
Коль хорошо подумать, то удастся
На этих горизонтах разместить
Четыре европейских государства.
А то и пять. Какая ширина!
Такую не поднять простой валютой.
Кроме валюты — воля здесь нужна
И мощности великих революций...*

Но эпоха энтузиазма быстро закончилась. К концу восьмидесятых в центре Евразии началось выветривание советской цивилизации, и Михаил Гучериев, учившийся в эти годы в Джамбуле, углядел своим цепким взглядом приметы распада и запечатлел образы новых людей, сменивших выходцев из патриархального казачества и целинной эпопеи. Он зорко выделил в людской каше восьмидесятых людей нового склада. Его поэма “Азия-80” – уникальное свидетельство разложения всех идеалов социалистической жизни, уклада, созданного в довоенное и послевоенное время на просторах от Каспия до Балхаша, от Кара-Богаз-гола до Алтая.

В этой поэме перед нами проходит целая панорама авантюристов, мошенников, наркоторговцев, игроков, ссыльных крымских татар и вайнахов, прибалтийских лесных братьев и бандеровцев, немцев Поволжья и турок-месхетинцев.

Вот несколько отрывков из этой подлинно исторической саркастической и горестной поэмы, отразившей то, как стареют и как изнашиваются племена, забывающие о божественных и всечеловеческих законах Бытия, как люди, теряющие совесть и высшие начала жизни, погружаются в смрадную пучину алчного потребления:

“Кореец Ким, директор лавки, торгует левый ширпотреб”, “Играет в лянгу еврей бухарский”, “Старик-баптист торгует бренди”, “Кидала Алик напёрстки крутит”, “Армянка Зара – полукровка, торгует девками на час”, “Таксист залётный с Намангана пробил отвёрткой рот лезгину, сражались долго у ресторана, в ответ водиле зашили глотку”, “Цеховик – еврей Самсон туфли шьёт, футболки строчит”, “В кабаке идёт гужбан: водка, шлюхи, балаган, каратист косой Салман одел Сеню на калган”.

Вот так в 80-е годы зажил “по рыночным законам” – уголовным и воровским – “Тараз, столица Семиречья”, носивший в советское время имя знаменитого акына Джамбула, когда власть и её законы держали в ежовых рукавицах цеховую, спекулятивную, ссыльную, авантурную, многонациональную вольницу. . . Но не удержали. И не случайно то, что первое потрясение Советский Союз получил на алма-атинской земле в 1986 году, когда вместо снятого с поста руководителя компартии Казахстана казаха Кунаева московская власть прислала на его место русского Колбина.

Именно в это же время персонажи последнего романа Чингиза Айтматова “Плаха” раздевались донага, погружались в заросли конопли, растущие в Чуйской долине, и бродили в них, чтобы на их потные тела налипала пыльца конопли, годная для изготовления анаши, о чём Гучериев знал и без Айтматова:

*Весь город окружён полями,
Ночами варят опиум из мака,
В долине Чуйской рай из конопли
И анаша дешевле шлака.*

Ушла в далёкое прошлое ярмарка, воспетая Павлом Васильевым, исчезла дружба народов, завершилась великая целинная пятилетка, покрылись стеблями конопли земли Чуйской долины. Началось время новых поэтов. А ведь ещё в начале семидесятых казалось, что история постепенно и прочно входит в надёжное русло, что высланные в сердцевинную Азию племена и народности постепенно залечивают свои раны и возвращаются на исторические родные земли. Эти мысли укрепились во мне в 1971 году, когда я, страстный рыбак, взяв с собой пятнадцатилетнего сына, поехал на только что приобретённом “Жигулёнке” рыбачить в Нагорный Карабах, а по пути, миновав Ахтубу и северный берег Каспия, свернул на горную дорогу к озеру Кезеной-ам, где, по слухам, в изобилии водилась горная форель. Мы миновали Ведено – родину будущего бунтовщика Шамиля Басаева – и по опасным горным дорогам в конце концов добрались до заветного озера. Однако порыбачить не удалось. У сына вдруг начался сильнейший приступ аппендицита, и мне пришлось развернуть машину обратно. Мы покатались вниз, в надежде найти какой-либо районный центр с больницей. Сын прижимал к животу бутылки с ледяной родниковой водой, а я, завидев на горных тропах местных жителей, тормозил машину и расспрашивал их – где, в каком ауле есть врач или фельдшер, где есть больница, можно ли туда проехать. . . Местные люди порой с трудом подбирали русские слова, но доброжелательно и подробно отвечали на все мои вопросы. . . Лишь много позже ко мне пришла мысль о том, что все эти доб-

рожелательные встречные ингуши и чеченцы всего лишь 10–12 лет тому назад вернулись в родные горные аулы, в свои родовые дома, к своим тропам, мечетям и кладбищам. И многие из них, кто терпеливо объяснял нам, как проехать к ближайшему аулу или райцентру, где есть больница, пережили все ужасы и лишения депортации, все тяготы жизни в степях Казахстана. И если бы в их душах жили чувства возмездия, — ничего бы не стоило им поступить с нами так, что никто — никакие милиции, никакие органы — не разыскал бы автомобиль “Жигули” с отцом и большим сыном. . .

Но ни в одном из них мы не почувствовали никакой враждебности, никакой отчуждённости и не услышали от них ни одного мстительного слова.

Каким-то непостижимым образом они, вернувшиеся из азиатской ссылки в конце пятидесятых, через десять лет — уже относились к нам, русским, попавшим в беду, по законам кавказского гостеприимства, будто ничего страшного в жизни их народа, их семей не произошло в годы войны.

. . . И вдруг грянули 80-е с взрывом вражды, алчности, беспредела! На их глазах — разрушалось государство. Все они — ингуши и чеченцы, крымские татары и прибалтийские лесные братья, украинские бандеровцы, и калмыки — все, оставшиеся жить на казахской земле и почти породнившиеся с ней, поняли: настала пора, когда каждый сражается или сам за себя, или объединяется в борьбе за место под солнцем со своим племенем. . . Звериный закон стайной кровной жизни начал властвовать на глазах молодого человека, будущего поэта Михаила Гучериева.

*Тараз, столица Семиречья,
Оазис посреди степи,
Хребта киргизского предплечье,
Исток песчаной Маюнга.*

*Ночами в городе вендетта,
Дерутся “стеночка” на “стенку”,
Ножи, обрезы и кастеты
Ломают жизнь через коленку.*

*Наркош Бахит, меркенский бес,
Торгует чуйской анашой,
Торчки визжат (сырец на вес),
Дурман глотают всей братвой.*

*Кипит, шумит Восток и Азия,
Вода из чайника по три копейки.
Тараз, ты юности моей фантазия,
Учитель мой, как делать деньги.*

Суровая школа обтесала юношу, обучила его борьбе за существование, и он, подводя итоги этой учёбы, написал поэму “Плоть и суть”, давшую имя всей книге с гравюрами и золотым обрезом, поэму, в которой уроки жизни воплощены в афоризмы, подобные тем, что отпечатывались на ассирийских глиняных табличках и египетских папирусах. И в каждом из этих изречений есть крупица если не мудрости, то опыта, обучающего нас, как выжить в жестоком и алчном мире.

*Не бойся силы. Найди другую силу.
Старайся мир собрать в свой кругозор.
Не пресыщайся — потеряешь веру.
Смотри вперёд и обостряй свой взор.*

*Обиды не прощай, не жди награды,
Долги — не собирай, и лучше не давай,
Обман раскрыл — не покажи досады,
Врагу двумя руками руку пожимай.*

Умение выстоять в любых обстоятельствах особенно ценится в мире, где жил и живёт поэт. Русская пословица “от сумы и от тюрьмы не зарекайся” — не для него, он выработал для себя другое жизненное кредо:

*Держи удар, не падай, не кричи,
Не почивай и не сиди на лаврах.
Смотри вперёд, от жадных псов беги!
И это лучше, чем сидеть на нарах.*

*В борьбе не отступай, иди на щепку,
Используй всё, что под рукой,
Когда тебя кидает, словно щепку,
Плыви и встань на твердь ногой.*

В такой схватке за жизнь все средства хороши. Конечно, легче бороться, если верить, что правда Всевышнего на твоей стороне, но если не хватает сил для веры, что делать?

*Ты верь Пророкам, если нет — придумай,
Так легче тяготы, страданья пережить.
Ты в рай поверь, про ад не думай,
Так легче и спокойней жизнь прожить.*

Но если нет надежды на пророков, то остаётся родовое начало, обычаи тейпа, стержень семьи, как основы и текущей жизни, и будущей памяти о тебе смертном.

*Ты — плоть, частица матери своей.
Она тебя спасала сотни раз.
В долгу ты неоплатном перед ней,
Не поленись и съезди к ней на час.*

Жизнь мудра тем, что простые и вечные чувства каждый раз являются нам, как чудо, как нечто небывалое:

*Поверь, что страсть лишь утоляет жажду,
Напьёшься досыта — наступит скука.
Но если встретил, полюбил подругу, —
Нашёл ты мать своих детей и друга.*

Может быть, наше бессмертие заключается в памяти родословного древа, которое будет шуметь зелёными ветвями над нашим прахом?

*Когда ты держишь внуков на руках,
Найдёшь в глазах детей отца родного,
Знай, кровь его течёт в их венах,
Сходи на кладбище и поскорби немного.*

Конечно, мудрость Экклезиаста время от времени посещает душу поэта. От неё, этой печальной мудрости, не убежишь, не скроешься, ибо она гласит: “Род приходит и род проходит, а земля пребывает вовеки”...

*Ты помни — всё становится ничто,
И времени молва затихнет молча,
Судьба твоя истлеет, словно моль,
И в этом суть и соль людского рода.*

Но обращение к будущему поколению спасает душу поэта от уныния.

*Я написал сей манифест потомкам,
Собрав часть опыта моих уставших лет.
Читайте, слушайте, пока не надоеет,
Я написал вам мудрости совет.*

* * *

Жизнь, проходящая в таком мире, полном опасностей, риска, тёмных человеческих страстей, вольно или невольно, но заставляет талантливых пассионарных людей задуматься о происхождении зла, о тёмных силах, которые

живут в людских душах и в природе, о сверхъестественных сигналах, которые время от времени посылает нам то ли космос, то ли адская бездна.

И тогда Александр Сергеевич Пушкин пишет великое стихотворенье “Бесы”, с которого начинаются все взаимоотношения русских поэтов с нечистой; тогда Николай Васильевич Гоголь населяет нашу литературу образами Вия, Басаврюка, великих мертвецов, русалок и встающих из гроба панночек; тогда Анна Ахматова, ожидая явления призрака, который придёт за её грешной душой, в “чёрной епанче” и “с зеленоватой страшною свечою” понимает, что этого “ночного пришельца” послал к ней сам “Владыка тьмы”:

*И странный спутник мне был послан адом,
Гость из невероятной пустоты.*

Попытка поиграть со слугами тьмы сверхчеловеческую игру, соблазн поставить на кон свою душу, чтобы переиграть их, — обычное искушение, которое овладевало душами многих русских поэтов. Чаще всего силы тьмы во время такого рода искушений материализуются в образе чёрного человека, явившегося к Моцарту в пушкинской трагедии “Моцарт и Сальери” (“мне день и ночь покоя не даёт мой чёрный человек”), приходящего к Сергею Есенину лунной ночью (“чёрный человек на кровать ко мне садится, чёрный человек спать не даёт мне всю ночь”), привидевшегося Хоме Бруту из повести “Вий” Николая Васильевича Гоголя. Явление этих призраков сродни безумию.

В стихотворном цикле “Безумие” подобные же посланцы тьмы, принимая различные личины, являлись и к нашему поэту:

*На оконной раме лица,
На стекле сплошной коллаж:
Голова змеи в глазницах,
В середине — жуткий глаз.*

*Мой соперник, моя тень
Бьёт меня, в руке стилет,
Я держу в руке кистень,
Размахнулся — рикошет.*

Ты стараешься ударить нечистую силу, но ударяешь — рикошетом — почему-то себя. Это — центральное место схватки с посланцами тьмы у всех наших поэтов, разгадка, свидетельствующая прежде всего о том, что призраки тьмы не живут отдельно от нас, что они являются нашими двойниками, сгустками наших грехов, наших пороков, нашей тленной сути. У Есенина в его сражении с чёрным человеком тоже случился подобный “рикошет”:

*“Чёрный человек!
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится”.
Я взбешён, разъярён,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу.*

Есенин бьёт чёрного человека тростью. Гущериев — кистенём, но “чёрного человека” не убьёшь никаким орудием, поскольку он твоя тень, твоё отражение в зеркале жизни:

*Месяц умер.
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковёркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И разбитое зеркало.*

Никаких комментариев к этим есенинским строчкам, как и к стихам Гугцериева, из цикла “Безумие”, не нужно, и так всё ясно.

*Тень стилетом режет руку,
И душа берёт топор.
Одиночество — подлюга
Мне плюёт в глаза, в упор.*

*Долго дрались, тень устала,
Без зубов и зло сопит.
Одиночество — пропало,
А душа моя хрипит.*

Зеркало и тень — две явных приметы чертовщины, которая начинает с тобой зловещую игру:

*На коленях у кривых зеркал
Я одно увидел наизнанку:
Чёрт на скрипке вальс играл,
Бесы танцевали спозаранку.*

Такого не придумаешь. Эти виденья навязчивы и, по словам Пушкина, “Бесконечны, безобразны в мутной месяца игре”. Освободиться от них чрезвычайно трудно — разве что молитвами и покаянием, если у человека хватит духовных сил стряхнуть с себя всю тьму, облепившую его душу:

*Мефистофель у окна
Плачет и смеётся.
Вижу, чёрная спина
Тихо в дверь крадётся.*

*Первый сон похож на сон,
Сидит в кресле бес,
Стоят люди на поклон
И кричат: “Воскрес!”*

*Второй сон похож на бред —
Я стою нагой.
Полумесяц, чёрный крест
Машут мне рукой.*

*Третий сон похож на явь —
Мы играем в карты,
За роялем чёрный князь,
Молятся сектанты.*

*На кону лежит душа,
Я ловлю удачу.
Мой соперник, бес-ханжа,
Шепчет под раздачу:*

*“Да, мы бесы без души.
Наша радость — просто дни.
Ты подумай, не спеши,
Проиграешь — не вини”.*

Но выиграть у бесов невозможно. Как проницательно догадался тот же Пушкин, невозможно потому, что один из главных бесов однажды признался Александру Сергеевичу:

“Ведь мы играем не из денег, а лишь бы вечность проводить”.

А то, какие искушения посылает нам тьма именно во сне, мы знаем из страшных признаний знаменитого поэта нашего поколения Юрия Кузнецова, которые наверняка будут понятны Михаилу Гугцериеву:

*Туча в сумерки. Буря огня,
Тьму свою отдаю ради света,
И летаю во сне, и меня
Люди сна ненавидят за это.*

*Сразу кручъя озлобленных рук
Начинают цепляться и плакать.
Это ад. Это родина мук.
Корча памяти, пекло и слякоть.*

Недаром, когда Юрий Кузнецов однажды втайне от всех лёг по своей воле в какую-то психиатрическую привилегированную лечебницу, то, вернувшись, сказал обо всём, что произошло с ним, коротко и отрешённо: “Я был в аду”...

Наш поэт подобно Кузнецову с бесстрашным отчаяньем признаётся в том, какими недугами заболевает его душа после поединков с ночными гостями:

*Моя суть от злости матерится,
Гость смеётся: “Перестань орать!”
Тень моя по-доброму кривится.
Надоело драться и страдать.*

*Он частями покупает душу,
Платит хорошо, готов вперед,
Иногда он летом любит стужу,
Он не лицемерит и не врёт.*

С посланцами тьмы разговаривали не только Пушкин и Есенин, чёрт являлся Достоевскому в каких-то нелепых панталонах горохового цвета и уверял Ивана Карамазова не только в том, что последний виноват во всём, что произошло с ним, но и в том, что сидящий перед ним тип с хвостом, рогами и копытами якобы всего лишь плод воображения Ивана, призрак, возникший перед ним в результате его болезни... Нечистой силе выгодно, чтобы человек верил, будто бы на самом деле её не существует.

Так же ведёт себя и Воланд с целой бригадой профессионалов, являющихся к Ивану Бездомному и Михаилу Булгакову, о чём Гучериев вспоминает, как о чудесном явлении:

*Янтарная осень на лунной гряде
На руки возьмёт Маргариту.
И Мастер за ней, задыхаясь в огне,
Попросит у солнца защиту.*

Юрий Кузнецов в наше время тоже бывал окружён голосами, терзавшими его душу: “Постоянно слышатся голоса: “сволочь, сволочь, сволочь! Сука; сука, сука! Тварь, тварь, тварь!.. Вызывают на спор. В прения с ними не пускался, а попросил Катюку поставить Моцарта, и музыка меня спасла!”

Музыкой спасается и автор позолоченной книги, вспомнив, что в детстве он ходил в музыкальную школу, где, конечно же, в его суть навсегда вошли сладкие звуки Моцарта, о чём он и вспоминает:

Сыграем Моцарта вдвоём.

Но тьма не сдаётся и насылает на него новую рать призраков и видений, и эти виденья есть расплата за грехи, за всё то тёмное, что ощущает в себе и от чего не может освободиться её пленник, демонстративно выворачивающий тьму своей души наизнанку:

*Разрывая жилы, вены рву,
Скручиваю губы узелком,
Сам себе застенчиво шепчу:
“Лучше негодяи с кошельком...”*

Эта строфа вместе со следующей предельны по бичеванию поэтом самого себя за связь с бездуховной тьмой жизни. Прежде чем покаяться, он исто-во перечисляет свои грехи, словно любясь ими:

*Я хочу любить одно — своё,
Я ещё люблю слова, где — “месть”,
Я люблю зело и просто зло,
Я люблю места, где любят лесть.*

Однако самыми чистыми глубинами души поэт понимает, что от страшных видений и страшного наказания за смертные грехи его может спасти кроме музыки лишь любовь. (Ну как тут не вспомнить слова того же Пушкина “Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает, но и любовь — мелодия”) и наш поэт, как за последнюю надежду, хватается за неё:

*Устал мой старый телефон,
Краснеют кисти рук.
Садятся птицы на балкон,
Я слышу сердца стук.*

*Я вижу в спальне синий блеск
И тень двух голубей.
И мои чувства на ночлег
Уносит шум дождей.*

Как это “аукается” с есенинским:

*Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцелённый навек,
Слушать песни дождей и черёмух,
Чем здоровый живёт человек.*

*Позабуду я тёмные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! Облик милый!
Лишь одну не забуду тебя.*

И когда Сергей Есенин захлёбывается несбыточной мечтой:

*Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад,*

то Михаил Гучериев словно бы вторит своему великому русскому со-брату:

*Я обязательно вернусь,
Вернусь зелёною листвой,
Дождём тебя слегка коснусь,
А может, радугой цветной.*

*Вернусь замёрзшим февралём,
Сыграем Моцарта вдвоём.
Романсом грустным на гитаре
И белым танцем, где мы в паре.*

Кроме спасительных звуков Моцарта, которыми лечилась пушкинская душа, Гучериев вспоминает и есенинскую сирень — из “Анны Снегиной”: “Иду я разросшимся садом, лицо задевает сирень”.

И когда “тёмные силы”, уверенные в своей победе над вроде бы слом-ленной душой, делают ему предложение, от которого невозможно отказаться:

*Так что, друг мой, не гордись!
Выпей водки и проспись,*

*Сними шляпу, поклонись,
Прощайся, к нам спустись...*

“К нам” — это значит вниз, в царство “тьмы”, в геенну огненную. Но вдохновлённый “Моцартом”, “белым танцем”, “белой сиренью”, “небесным дождём” поэт вспоминает о Высшей силе и отвечает уже уверенный в своей победе над нечистью:

*Не пугай меня, дружок,
Время есть на посошок.
К Мекке взгляд свой обращай,
На коленях попрошу.*

Оказывается, кроме “Моцарта” и любви — есть ещё одна спасительная сила — Божественная. Сергей Есенин в таких случаях отвечал по-своему:

*Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать,
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.*

* * *

Каждый из русских поэтов с искрой Божьей в душе открывал для себя, кроме заповедей вечных, свои собственные, ведущие их по жизни.

У Некрасова это были ставшими знаменитыми слова: “Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан”. У Есенина мысль о поэтическом призвании была противоположной Некрасову: “Отдам всю душу октябрю и маю и только лиры милой не отдам”. Ахматова пыталась освободить поэтов от совести: “Поэтам вообще не пристали грехи”. Маяковский демонстративно заявлял: “Я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, Атакующий класс”.

Блок самозабвенно приносил свою судьбу в жертву на алтарь поэзии:

*Пускай я умру под забором, как пёс, пусть жизнь меня в землю втопта-
ла, но верю — то Бог меня снегом занёс, то вьюга меня целовала”.*

А Пушкин? Он всеобъемлющ, и потому ни в одну поэтическую фразу, ни в один афоризм, ни в одну строфу завет Пушкина о том, кому и как должна служить поэзия, — не умещается.

Всё дело в том, что поэзия — это не только рифмы и ритмы, эпитеты и метафоры, ямбы и хорей — но, и в первую очередь, — это осознание и выражение мировоззренческих глубин, которыми живёт и дышит душа человеческая.

И Гущериев — самородок и самоучка, не прошедший в жизни никакой литературной школы, не посещавший никаких литературных объединений, не дышавший прокуренным воздухом творческих профессиональных дискуссий, может быть, бессознательно, но ощущает эту истину. Божья искра, живущая в его душе, освещает ему путь в поэзии.

* * *

Прочитав эту “антикварную” книгу, это “коллекционное издание”, я понял, что золотая клетка — не для неё. Эта книга достойна более трудной, но и более естественной и лучшей судьбы. Она достойна того, чтобы в простом переплёте, отпечатанные на простой бумаге, продаваемые по недорогой цене её экземпляры стояли в ещё существующих книжных магазинах России, чтобы стихи из этой книги читали неведомые автору любители поэзии, признание которых дороже любых авторских гравюр и золотого шитья... Одним словом, многие стихи и строфы Гущериева (исправленные, доработанные, сокращённые, отредактированные хорошим редактором) могут и должны стать достоянием не узкого “дружеского круга”, а широкого, безымянного читателя, о любви которого мечтали самые значительные наши поэты.

Вспомним хотя бы Анну Ахматову:

*А каждый читатель, как тайна,
Как в землю закопанный клад,
Пусть самый последний, случайный,
Всю жизнь промолчавший подряд.*

Нельзя терять веру в благотворную встречу с умной читательской душой, как бы ни была она сегодня затуркана борьбой за существование, шумным господством массовой культуры и рёвом попсы, такое безверие – гибель для поэта. “Не хлебом единым жив человек”, – гласит евангельская истина.

Анна Ахматова в самые тяжёлые времена к концу жизни обрела-таки эту веру:

*Наш век на земле быстротечен
И тесен назначенный круг,
А он неизменен и вечен,
Поэта неведомый друг.*

Не терял этой веры и Александр Твардовский, который мечтал о читательской любви к поэту и писал с исповедальной страстью:

*И ради той любви бесценной,
Забыв о горечи годов,
Готов трудиться ты и денно
И ночью — душу сжечь готов.*

Конечно, не читательскую, но – свою душу. Без обратной связи, без эха, отражённого читательским сердцем и летящим к сердцу поэта, нет божественного равновесия слова и жизни.

Недаром Александр Пушкин выделял “среди читателей вообще” – читателей поэзии в особенности, как особых резонаторов “мировой гармонии”, когда писал, что “прозу читают и офицеры, и чиновники, и простые обыватели”, а поэзию – “лишь любители поэзии”.

* * *

Конечно, авторскому самолюбию всегда лестно сознавать, что твои тексты на эстраде и телеэкране озвучены голосами Пугачёвой, Киркорова, Баскова, Лепса, Стаса Михайлова и прочих идолов нашей массовой культуры, что твои тексты становятся хитами.

Но хиты живут лишь до тех пор, пока исполняются звёздами. А звёзды не вечны. Закатится звезда, или изменится её репертуар, и слова твоих хитов останутся в прошлом, станут ненужными, выйдут из обихода, как одноразовая посуда.

А между тем, многие поэтические опыты Михаила Гучериева, если их умело отобрать и издать массовым тиражом, достойны того, чтобы обрести жизнь в великом изобретении человечества – в книгах для широкого демократического читателя, в книгах, которые продолжают жить после нас, смертных. Латинская пословица гласит *Nabent sua fata libelli* – “книги имеют свою судьбу”. И русская пословица, переключаясь с пословицей латинской, подтверждает: “что написано пером – не вырубишь топором”.

* * *

Но что помогло Михаилу Гучериеву не опуститься в молодые годы, не “разбазарить” себя в этой звериной, пахнущей анашой, деньгами и кровью рыночной стихии? Откуда он почерпнул волю и силы, чтобы “сделать самого себя”? Ответы на эти вопросы он дал в беседе с главным редактором журнала “Наш современник”.

Вопрос: Кем были Ваши предки и Ваши родители? Как и когда они оказались в Казахстане? В каких условиях они там жили?

Ответ: Начну с дедушки. Гуцериев Саад имел юридическое образование, служил полицейским приставом Западной Грузии. Моих родителей выслали в Казахстан в 1944 году. Первый год в ссылке они, как все, жили в землянке. Потом отца назначили старшим следователем по особо важным делам Акмолинского УВД и дали двухкомнатную квартиру на улице им. Сакко и Ванцетти. Мой отец, Гуцериев Сафарбек Саадович, имел два высших образования: юридическое и экономическое. Во время войны он работал и прокурором, а после войны на различных руководящих должностях областного масштаба: был начальником УПТК “Целинстрой”, директором СМУ, а также других организаций в промышленности и торговле.

Моя мама, Марем Якубовна Ахильгова, была домохозяйкой. В нашей семье было девять детей. Я восьмой по счёту.

Вопрос: Получали ли Вы религиозное, мусульманское образование в семье, водили родители в мечеть?

Ответ: Я и вся моя семья получили добротное советское образование. В мечеть мы не ходили. Тогда мечетей вообще не было.

Вопрос: Во сколько лет научились читать? Какой язык был родным? Кто советовал тех или иных авторов? Какие книги особенно ярко запомнились?

Ответ: Я стал читать в шесть лет. Родным считаю русский язык. Отец собирал книги, и дома была большая библиотека: Драйзер, Лондон, Мопассан, О. Генри, Бальзак, Стендаль, Толстой, Шолохов, Гюго и другие. К 12 годам я успешно прочитал все книги домашней библиотеки и в 13 взялся за “Капитал” К. Маркса, в котором ничего не понял. Переключился на Теодора Драйзера: “Финансист”, “Титан”, “Стоик” и заболел тем, что тогда называлось спекуляцией, а сегодня – бизнесом.

По дороге в школу единственным зданием культуры была библиотека. Все 10 лет обучения я ходил по этой дороге и неизбежно заходил в библиотеку, которая стала для меня вторым домом.

Вопрос: Каких русских поэтов Вы впервые прочитали, каких полюбили и за что?

Ответ: Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова. Полюбил Лермонтова за его стихи про Кавказ. Есенина знаю практически всего наизусть. Полюбил его за русскую душу.

Вопрос: Откуда взялся интерес к музыке? Кто-то из родных повлиял на Вас?

Ответ: Мама хорошо играла на аккордеоне, именно она отвела меня в музыкальную школу.

Вопрос: Когда впервые Вы почувствовали, что хочется писать стихи, в каком возрасте Вы осознали в себе литературное призвание?

Ответ: В 16 лет впервые почувствовал желание писать стихи. Как впервые ощутил желание любить, жить и сходить с ума. Просто от жизни.

О литературном призвании я не думал. И сейчас считаю, что его нет. Есть волнение сердца, игра ума, полёт мыслей и фантазии. Если проще: прошлое в настоящем, а настоящее в будущем и мои чувства во мне теперешнем. Всё это вместе и есть мои стихи и песни.

Вопрос: Как Вы пишете? Как закрываете внутренние шлюзы от сумасшедшего ритма Ваших буден, обилия дел, толчеи людей?

Ответ: Я пишу только ночью и в сумерках на рассвете. Закрываю дверь наглухо, задёргиваю шторы. Я должен быть один и никого рядом. Полное одиночество. И сигареты”.

Вот так просто и убедительно рассказал поэт о том, почему он не сгинул, выстоял и сложился как человек во время распада страны и жизни. Его спасла семья, его спасла советская школа, его спасла русская литература. Особенно Пушкин и Есенин.

* * *

В 17 лет, сразу после школы, Гуцериев начинает трудовую жизнь грузчиком овощной базы. Через год Гуцериев уже накатчик цеха шелкографии, а потом и мастер швейного цеха на джамбульской фабрике народных художеств

венных промыслов. Следующая его должность – инженер-технолог грозненского объединения местной промышленности, которое он возглавит через четыре года.

А в эпоху перестройки – дальнейшие “этапы большого пути” Гуцериева в большом бизнесе и в политической жизни страны похожи на мелькающие кадры из гениального кинодетektива. С какой целеустремленностью, с каким успехом он, кандидат в мастера спорта по десятиборью, овладевал разными видами лёгкой атлетики – с такой же лёгкостью Гуцериев брал “высоты” и науки, и бизнеса, и политики, и даже английского языка.

Джамбульский технологический институт, Финансовая академия при правительстве РФ, знаменитый Институт нефти и газа имени Губкина, Российская экономическая академия имени Плеханова, Санкт-Петербургский юридический институт!.. И всё это – за какие-то 20 лет, одновременно занимаясь созданием и управлением крупных корпораций с многотысячными коллективами, и работой в Государственной Думе, и сопротивлением рейдерским попыткам захвата его собственности. Ведь дело доходило до того, что Гуцериеву на какое-то время пришлось оставить пост президента “Русс-нефти” и заявить об “уходе в науку”, и даже на три года уехать за границу... А тут ещё буквально в разгар этой суровой борьбы его любимый сын Чингиз погибает в автомобильной аварии... Все эти переживания так или иначе отразились в его исповедальных стихах и поэмах. Может быть, он и выстоял благодаря своему дару. Семья, круг ближайших друзей и поэзия помогли ему преодолеть все удары судьбы и вернуться на родину...

Есть и ещё одна причина **“победоносности”** Гуцериева. Дело в том, что большинство олигархов или просто богатых людей той “лихой эпохи” были детьми из семей советской аристократии, – выходцами из прогнившей партийной номенклатуры, которая, по словам историка Вадима Кожинова, **“захотела выйти из тени и жить во дворцах, а не на государственных дачах”**, многих фигурантов из “списка “Форбс” породила и “комсомольская верхушка”, и, конечно, продажная часть будущих “сильных мира сего” вышла из кабинетов Лубянки, а также из сословия “красных директоров”.

Но в среде такого рода деятелей перестройки Гуцериев всегда был “белой вороной”. Он рельефно выделяется глубокими знаниями, образованием среди других людей. Он всегда делал ставку только на себя, свои силы, свой талант. Отсюда и его пассионарность, и жизнестойкость, его жажда знаний, терпение, железная воля, и его любовь к песне. Отсюда и особенный характер его благотворительности.

Он не покупает клуб “Челси” или американскую бейсбольную команду, он помогает спортсменам Института нефти и газа в Удмуртии, детским и юношеским командам “Нефтяник” в посёлке “Новоспасское” Ульяновской области, сборной команде Удмуртии по биатлону, велоспорту и стрельбе, ледовому дворцу спорта в Саратове.

Он, правоверный мусульманин, понимающий значение и роль православия в России, восстанавливает и строит православные монастыри, соборы и храмы в Ярославской области, Удмуртии, Нижневартовске, Ульяновске, в Москве, Витебской области и даже в Вифлееме. Он, с детства знающий, что такое нужда и что такое многодетные семьи, помогает детским домам Томской области, детскому саду в Саратове, выделяет средства на операции детям Чечни с сердечными заболеваниями, оснащает больницы в Ижевске.

В предисловии к книге “Плоть и суть” близкий друг Гуцериева назвал его “легендарным человеком”. И с этим нельзя не согласиться. Биография нашего современника, непостижимым образом сочетающего в себе яркий талант лирика и жесткость руководителя десятков мощных промышленных и финансовых предприятий, достойна того, чтобы выйти в свет в книжной серии “Жизнь замечательных людей”.

* * *

Михаил Гуцериев знает цену деньгам и понимает, что они могут служить и добру и злу. Об этом двуликом Янусе – золотом тельце, о том, человек ли правит деньгами или деньги правят им, поэт размышляет неустанно:

*Сам во всём ты виноват,
Всё проспал и промотал,
Душу золоту продал,
Только “нужных” уважал.*

*Все в погоне за Тельцом,
Сколько дал кому на чай?
Диалог ведут с Творцом
Все про всё — и сразу в рай.*

Гуцериев горько иронизирует то ли над миром денег, то ли над самим собой:

*Выпил, съел и закусил,
Ради скуки вновь запил,
Взятку дал и прошептал:
“Льготы, должность, пьедестал”,*

*Банки в долг дают свой долг,
Льют на уши нежный шёлк,
На процент бежит процент,
Дорогой Вы наш клиент.*

С горечью убеждается поэт в том, что нынешняя мировая жизнь часто подчиняется не Божественной, а дьявольской воле:

*Голодный раб слабей свободы,
Готов за пайку всё простить.
Голодный волк сильнее природы.
Не может волк в неволе жить.*

В мире идёт война всех против всех — где нет героев и победителей.

*Хочешь быть бедным — стань гордым,
Хочешь богатства — безбожным,
Хочешь великим — будь скромным.
Хочешь стать первым — стань подлым.*

Мечется душа поэта в чащобе истин и заблуждений, где метались во все времена души великих. “Всё моё”, — сказала злато; “Всё моё”, — сказал булат. “Всё куплю”, — сказала злато; “Всё возьму”, — сказал булат”. Даже Пушкин не решился дать нам окончательный ответ, кто прав — булат или злато. Но мне кажется, что чем больше вопросов задаёт себе поэт, чем глубже пытается он влезть в “суть и плоть” жизни, тем крепче становится его душа, энергия которой превращается в энергию духа. Удивительно то, что душа Гуцериева, прошедшая через все угрозы времени, через все заблуждения юности, через все алчные и греховные соблазны восьмидесятых годов и кровавой, криминальной революции 90-х, через искушения и “булатом”, и “златом”, и властью, и “бременем страстей человеческих”, не истрепалась, не потеряла “божественной искры”, не утратила того состояния, которое Пушкин называл “духовная жажда”... Он по-прежнему, как в молодые годы, “духовной жаждою томим”.